

#113А ТОРМ30НТАММ СОБОБИТММ

**ПОЕЗД
В
БУДУЩЕЕ**

**ТРАНЗИТ СОВРЕМЕННОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

Александр Неклесса

руководитель Группы «Север-Юг» Центра цивилизационных и региональных исследований Института Африки РАН, председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

«Этот третий мир – игнорируемый, эксплуатируемый, презираемый, подобно третьему сословию, теперь тоже желает стать чем-то». Альфред Соби (L'Observateur, 14.08.1952).

Мир людей – подвижная реальность с меняющимися кодами ментальности, моделями поведения, концептами политической и хозяйственной практики. Проявления постмодернизации трудно анализировать с региональных и национальных позиций – это комплексное, интерактивное поле. Миры Севера и Юга сосуществуют на одной планете; футуристичные образы высокотехнологичной и обильной цивилизации, правового, демократичного, рационального уклада перемежаются чересполосицей авторитарных, олигархических систем, трайбалистских или мафиозных сообществ, социопатией городских фавел и житейским минимализмом лагерей беженцев.

Моделирование динамичного ансамбля «Север – Юг» связано с определением пропорций постсовременности и постколониальности, модернизации и неоархаизации в универсальном трансформационном процессе: композиция взаимно контаминируемого мироустройства сложнее привычной политической биполярности, идеологически мотивированных утопий или дистопий современности. Постигание причин и перспектив вселенского переворота требует большего, нежели простое суммирование причудливой феноменологии цивилизационного транзита. События-2020 совокупно продемонстрировали востребованность искусства управления сложными

процессами и ориентации в масштабных, «вирусных» и пороговых ситуациях, подтвердив императив обретения соответствующих знаний, мастерства, технологий.[2]

Эволюция истории

История оперирует фактами, футур-история – тенденциями и логикой эволюции. Простые решения нередко поверхностны и плоские, истина же может представлять сумму парадоксов. Мир на протяжении последнего столетия пребывал в сумятице перемен, но, несмотря на острые коллизии, интенсивно интегрировался, осваивался, а индустриальная и рыночная унификация вытесняла и замещала социокультурное разнотилье и своеобразие.

Социальную ситуацию определяет сочетание глобального, регионального, местного и персонального. В течение века демонтаж сословных перегородок, реституция личности, либерализация общественных норм и демократизация политических устоев сопровождалась эмансипацией, десегрегацией, деколонизацией, серией «бархатных» революций и новым изданием «весны народов», обернувшись также возвратной волной культурно-демографической экспансии постколониального мира. Люди в исторической устремленности пытаются ослабить природные и социальные тяготы, подавляющие личность и угнетающие продвижение в будущее, устранить оболочку имперской колониальности в ее различных модификациях, отринуть идеологемы, институты, протоко-

лы, уничтожающие индивида, разрушив тиранию культурной, классовой, национальной, расовой сегрегации и подавления.

Сегодня человечество, судя по всему, переживает переворот, проходя своего рода *rite of passage*, реализуя новую формулу социальных координат, полагая мир интерактивным сообществом людей и народов (*Rax Humanum*), а не ареалом пространственного развития империй и государств. Постсовременность может быть также охарактеризована как вселенская постколониальность, «гибридное средневековье» – мир транзита, на пути к мозаичному/соборному обществу: синергии комплексных конструкций и сложноорганизованных личностей. Предметное поле постколониальной (постимперской) аналитики обретает универсальные пропорции и, очевидным образом, не ограничено рассмотрением ситуаций на Черном континенте либо всей калейдоскопичной реальности Третьего мира. Колониальные, имперские метастазы и тоталитарные, сугубо этатистские рецидивы отчуждения и самоотчуждения, мимикрируя и мигрируя, обнаруживаются в разных частях света, политических комбинациях, иных сегментах практики. Присутствие как колониальности, так и постколониальности в композициях Постмодерна усложняет декодирование и картографирование транзита, выявляя невидимые до поры препятствия.[3]

Анализ и проектирование в сфере дисциплинарного знания связаны «режимом истины» (Мишель Фуко) и ограничены «окном Овертона» – границами, в которых предложено вести научную дискуссию. Между тем при резком усложнении обсуждаемых предметов возникают проблемы со сложившимися в социальных и гуманитарных дисциплинах (во многом

под влиянием естественных наук) стандартами профессионального рассуждения, стимулируя их трансгрессию – мультивекторную поисковую избыточность, творческую эмансипацию, интеллектуальный прорыв. Давид Бен Гурион, реализовавший большой национальный проект в сложной и неопределенной исторической ситуации, писал: «Сегодняшний день не похож на вчерашний – вот главное, что надо понять <...> Во всякий миг в мире происходит что-то новое. Все находится в состоянии движения, *panta rei* <...>. Ни в природе, ни в истории, ни в материальном мире, ни в мире духовном, в обществе и государстве ничто не стоит на месте. Рутинa – первый враг государственного деятеля. Надо объявить войну рутине, устарелым шаблонам действия и мысли».[4]

Сумма истории не является сводом летописных констатаций, это процесс социального обустройства, повышения адаптивности и уровня организации, эволюции антропологической вселенной. Развитие общества сопряжено с опознанием и осмыслением неизвестного, поворотами и переворотами, лабиринтами и развилками в дорожной карте цивилизации, затрудняющими проникновение в иное. Стартовым рубежом последнего раунда вселенской экспансии – глобализации как *fine* колонизации планеты, ее культивации и освоения современной цивилизацией, можно считать Берлинскую конференцию 1884-1885 гг., поводом для которой послужили конфликтные обстоятельства, складывавшиеся в Африке. Конференция, однако, определила нечто более существенное – общие регламенты, параметры и методологию разграничения пространств обитаемого мира в соответствии с принципом «эффективной оккупации»... Планетарная колонизация, а затем де-

колонизация вкупе с экономическим и социокультурным обустройством мирового сообщества, охватили весь XX век, ставший периодом обширной перестройки человеческого общежития. Переход к новому миропорядку ускорился после своего рода Тридцатилетней войны, развернувшейся в первой половине прошлого столетия. Деконструкция имперских структур, сначала континентальных, а впоследствии морских, уничтожив зональную глобализацию, сформировала на постимперских руинах пестрый конгломерат больших и малых национальных государств, открыв возможность обширной реорганизации политического универсума. Осваивая горизонты самостийного статуса, страны и народы, получившие политический суверенитет, критикуют историческую ретроспективу и подвергают сомнению предлагаемый Современностью маршрут, внося дополнительную неопределенность в контрапункт глобальной трансформации.

Биполярное мироустройство, возникшее в середине прошлого века, проявилось негативным образом, создав возможность альтернативной – деструктивной, глобализации, ставящей под угрозу существование цивилизации. Впервые у человечества появился шанс реализовать рукотворный коллапс антропологической вселенной, отбросив на мир тень произвольного конца истории.[5]

Реестр перемен

На планете в наши дни развиваются два доминантных процесса: глобализация и индивидуация, сопровождаемые становлением новых и мутацией прежних политических и прочих институтов, производством инновационного технического, технологического, социального инстру-

ментария. Реорганизация современного строя, обустраиваемого, преобразуемого и атакуемого с различных позиций, смещает и расширяет исторический горизонт:

- глобализация создает общую оболочку для хозяйственной практики и универсальной коммуникации, а индивидуация части обитателей планеты продуцирует множество анклавов цивилизационного транзита, служащих порталами иной организации универсума, отрицающей его прежнее устройство, генерируя неопределенность в траектории истории;
- территориальная экспансия стран и народов постепенно замещается конкурентной колонизацией и приватизацией амбициозными племенами призрачных, многомерных пространств будущего;
- цели и ментальность геополитики, связанные с ответственным обладанием земными территориями, политическим и административным их контролем, вытесняются геоэкономикой, ориентированной на организацию хозяйственной и финансовой деятельности в контексте глобального рынка, управление режимом благоприятствования, маршрутами транспортировки и транзакций, использование прав доступа, предпочтений и санкций;[6]
- растет влияние геокультуры, учитывающей удельный вес социокультурного капитала, определяя центры его гравитации, экспортирующие, транслируя на иные языки, принципы и стандарты жизнедеятельности; а также геоантропологии, фиксирующей динамику и траектории антропоток, перераспределяющих население планеты, зоны социокультурных разломов, изменения в картографии человеческих активов, их разнообразии и потенциале;
- углубляется кризис системы междуна-

родных отношений, мировой бюрократии и связанных с нею институтов; формируется многоуровневая среда сетевых трансграничных связей, включая присутствие влиятельных корпораций, комплексных субъектов и неформальных агентов перемен;

- привычные типы государственности модифицируются, поглощаясь, в конечном счете, обществом, сливаясь с корпорациями, преобразующими современные политические системы, а перемен в понимании суверенности высвобождают скованные прежней эпохой силы и устремления;
- национальная государственность, утрачивая былые основания, позиции, смыслы, предчувствует кризис идентичности и собственную диссипацию (национальные интересы – локальны, информация и финансы – глобальны), испытывает институциональную хаотизацию, пробуждая встречный ветер национализма и сопротивление уходящих в прошлое структур;
- сложные алгоритмы теории, практики, техники ведут к разделению образования, интеллектуальной и корпоративной деятельности на эксклюзивную, частную, и инклюзивную, общественную, с критическими социальными следствиями;
- сфера практики пронизывается вирulentностью генерации людей-предприятий (menterprisers), их инновационных, экзотичных, радикальных стартапов; экспериментальными новациями политиков-акционистов: визионеров, реконструкторов и популистов, действующих вне прежнего формата партийности.

Проектирование общего будущего, осложненное конфликтами традиционализма и секулярности, коллизиями Современности и Постсовременности, замещается обилием оригинальных автономных замыслов, порождающих симпатические со-

пряжения – калейдоскопичные ансамбли молекулярных агентов перемен, инструментально оснащенных, обладающих преадаптационным инстинктом и скрепленным общим интересом, ценностями или традицией. Проактивность слабоформализованных в институциональной системе Современности сообществ с ценностной пересортицей усложняет контрапункт мировой симфонии, сопровождаясь деконструкцией прежнего исторического нарратива. Изживание бинарных оппозиций, преодоление ментальных шаблонов как «закрывающих технологий» еще больше революционизирует ситуацию. Водоворот происходящих и назревающих трансформаций подтачивает опоры цивилизационной платформы Модернити, колеблет ее равновесие и, подвергая сомнению устойчивость глобального консенсуса, коррумпирует целостность всей социальной конструкции,. Мир в многомерном универсуме рассыпается на суверенные конкурирующие композиции, продвигающие собственные версии подвижного строя, опровергая предписания нормативной культуры и внося правку в современную концепцию человека.

Пересекая умножающиеся «линии горизонта» (Жак Аттали[7]), люди пытаются распознать целеполагание ветвящихся траекторий, однако, «человек никогда не поднимается выше, чем когда не знает, куда идет» (Кромвель)[8]

Социальная ментальность

Мы обитаем в подвижной реальности: устанавливаем барьеры и опрокидываем их. Сюжеты летописания сопровождаются и запечатлеваются кризисами, обретающими со временем символический статус, но мы живем не ради памяти. Будущее

как футур-история – антропологическая категория, связанная с переворотами и развитием, это путь претерпеваемых катастроф и преодолеваемых состояний. Национальная государственность сегодня соревнуется с динамичным миром амбициозных корпораций и трансграничных сообществ, сопрягаясь с акционизмом различным образом мотивированных лидеров и решительных индивидов. Очередная ослепительная утопия вносит в связь времен дополнительный ажиотаж, ускоряя перемены: история беременна новизной.

Основанием культуры является мировидение – концепт бытия, его идеальный образ, смысловой и правовой каркас: сумма ценностей, обеспечивающих идентичность, и законов, удерживающих миропорядок. Культура определяет характер общества, цивилизация – фабулу, удерживая динамический баланс между наличной действительностью и промышленным идеалом. История – последовательность порывов к действию и плацдармов компромисса: синтез усилий ума и напряжения воли, трансмутация собственной природы, модификация социокультурных констелляций, экспериментальная вивисекция хозяйствования и эстафета власти. Реальность, время от времени разрушая представления о себе, отрицает текущее редактирование конвенций, требуя не иных трактовок, а смены языка. Будущее мыслится надеждой, но обретается как цивилизационная травма – отход от ставших привычными форм самоотчуждения, отмирающих корпораций, искаженных институтов, общего истощения среды в пользу иного восприятия бытия. Традиционализм осознал мир как пространство, Современность колонизировала и осваивала время, Постсовременность учит и учится отделять живое от неживого. Это кесарево сечение, исход и устра-

нение безбудущности – эволюционный транзит и путь становления личности.

Будущее – несуществующая, но подтверждаемая бытием субстанция, иное состояние мира. Утверждается оно не конфликтами культур-систем – процессом, чреватом скорее обрушением в изъязыны прошлого, а появляется и проявляется в «своих напевах»: их сопряжении с деятельно постигаемой сутью, геномом, истории, ее промышленным целеполаганием. Борьба за будущее, иную землю, иное небо, стимулирует протагонистов декодировать криптографию историософских замыслов («конспектов будущего»), изыскивая преимущества, если таковые имеются, в ментальном и культурном своеобразии, устраняя явные и скрытые изъяны, демонтируя обанкротившиеся конструкции и реализуя эволюционную синергию. Но продвижение в будущее – не только ажурная вязь вбираемых в плоть истории оригинальных проектов, слияние притоков мысли и протоков самоорганизации, апробация версий соперничества и коэволюции. Это также, и главным образом, сценография личности, погруженной в перманентно преобразуемый сюжет: преодоление сложившейся социальной ментальности, внутренних противоречий и персональная трансформация.

Двусмысленное достояние века – инициативы, формулируемые и воплощаемые поколением, идущим сквозь горнило транзита: не пленников, но наследников культур и народов, решившихся на деконструкцию привычного строя, проживая, переживая утрату определенности и преодолевая барьеры повседневности. Синкретичная социальность либо вытесняется логикой развития, либо, пользуясь вселенским переполохом, пытается обернуть поток перемен вспять,

вернув власть над утраченной судьбой. Симптоматика разложения Модернити проявляется в нищете свойственных ее природе идеологий, замещаемой конфессиональной интервенцией и мимикрией, чреватой алогичными метаниями и разрушительной суггестией «культуры смерти», способной по-своему распорядиться инструментарием, созданным цивилизацией.[9] Маршрутизация разнонаправленных переходов осложняется флюидами неоархаизации и сполохами деструкции – прямым отрицанием футур-истории, реанимируя инкапсулированных в плотных слоях прошлого гекатонхейров – ограниченные объемом и формой древние стихии, замороженные цивилизацией, но сжигаемые внутренним огнем хаоса.

Когнитивные перемены аранжируют практику, предопределяя смену исторических декораций. В свое время сомнения парижского епископата (Этьен Тампье) в способности человеческого ума познавать при помощи Аристотелевой логики суть бытия заложили фундамент новоевропейской науки.[10] Политические зигзаги и перевороты также предваряются революцией сознания: трансформацией ментальности, продуцирующей и редактирующей карты мира, стили практики, методы познания, изменяя цели общества и образ жизни. Сама секулярность – этот родовой признак современности, возникает в истории как проекция иудео-христианской концепции бытия и соответствующая данным идеалам социальная реорганизационная процедура.[11] Признание естественности высокого достоинства человека, наделенного Творцом неотчуждаемыми правами, «к числу которых относятся жизнь, свобода и стремление к счастью»[12] (Томас Джефферсон), его способности к выбору, самосозиданию и обновлению, обусловило кардинальную

реформу институтов и модификацию истории, ее переосмысление, перемолов многие архаичные препоны, воплощаясь в личной ответственности, самоопределении нации, политических правах.

Совершалось «расколдовывание мира» (Макс Вебер[13]), сопровождаемое деконструкцией религиозного традиционализма и «дефатализацией истории» (Поль Рикёр[14]). Процесс декларируется как преодоление «совершеннолетним человеком» в «повзрослевшем мире» (Дитрих Бонхёффер[15]) мифологических отождествлений и патриархальных подчинений, «самоосвобождение от пут, привязывающих к прошлому, природе, клану, идолам» (Эрих Фромм[16]). Утверждаются постулаты интеллектуальной и экзистенциальной самоидентификации, веротерпимости, толерантности, рациональности как освобождения ума от пут стереотипов и тирании суеверий, а человека от безнадежности и диктата «вечного возвращения». Общество и личность обретают право на суверенитет, отделяя приватное и социальное от тотальности традиционализма и бытийного синкрезиса, отражая атаки деструктивного хаоса и продуцируя алгоритмы автономного, сложного поведения.

Поезд истории

Установления, порожденные христианской вестью, со временем выходят за пределы религиозной оболочки, и, абсорбируясь обществом, своей новаторской сущностью изменяют мир. Секулярность – кризисное управление социумом, застрявшим в переходах и закоулках исторического лабиринта; она предполагает рациональность при рассмотрении проблем земного быта, не отвергая метафизические интерпретации бытия, обеспечив критическое отноше-

ние к феноменологии мироустройства и трезвое к флуктуациям сознания. Подобно новоевропейской науке секулярное мышление определяет пределы собственных компетенций и, отделяя дальнее от горнего, стимулирует конструктивную рефлексию, удерживая при этом память о предназначении, растворяя, распространяя ее в конфессиональном, философском осмыслении, художественном обрамлении, культурном коде, понижающих людскую повседневность.

Пребывая в процессе великой работы, преодолевая стойкость прежнего мира, мы, желая или не желая того, ютимся на пороге грандиозной экспериментальной мастерской. Продолжающийся поиск истины, соединяясь с житейским опытом, разрушает многие унаследованные трюизмы и влияет на модели поведения. Метафизические концепты, подвергаясь испытаниям в нелюбимых обстоятельствах и подвижнических противостояниях, осмысленные и переосмысленные, познав небесные горизонты, горнило жизни и дрожь земли, претерпевают ревизию. А затем вновь воздействуют на мир. Теология, редактируемая в тени обретенного за последний век знания, обнажает сколотые временем, острые, асимметричные грани. Возникают атакующие мир концепции «безрелигиозного христианства» (Дитрих Бонхёффер[17]), «политического богословия» (Йоханнес Метц[18]), «нетеистического теизма» (Доротея Зёлле[19])...

Энтузиазм приближения к взыскуемому, но различным образом прочитываемому и толкуемому идеалу, исторически присутствует в секулярном обществе, интегрируя метафизику с эскизами утопий, обретающих идеологическое содержание и политическую плоть. К концу XVIII века у европейского третьего сословия уже

была программа продвижения к образам свободы, равенства, братства – проект властного обустройства быта и бытия с миллениаристскими обертонами и эгалитарными мотивами, обеспечив, наряду с прочими новациями, секуляризацию утопии – прорыв к концепции прогресса и гражданскому обществу. Однако был и 93-ий год, скверные подробности которого обнаруживаются практически в любом идеологическом замысле, когда сумма лозунгов и ритуалов превращается в конъюнктурный эрзац – удобный камуфляж для власти политических инженеров и бездушной механики этатизма.

В анналах истории много жестокого, преступного, морально неприемлемого, также и на теле современной цивилизации немало шрамов тоталитаризма, расизма, разноплеменной оккупации и разноликости колониальности. На путях, вымощенных благими/неблагими намерениями, пролагались индустриальные рельсы, эксперименты истории по освоению культуры электрошока понуждают политически корректировать механизмы исторического нарратива, протестуя против террора престолов и властей, повергающих человека и его достоинство в рабское, скотское состояние[20]. Помимо этатистских симулякров интернациональной и национальной социалистической идеи в список попадает многое другое. Это не только травмы памяти как ГУЛАГ и Освенцим, Холокост и Голодомор, преследование «врагов народа», «унтерменшей», диссидентов, клетки с африканцами и другими народностями в зоопарках Европы, но также актуальные формы деспотичных иерархий унижения и подавления: гендерные регуляции, маргинализация физических и когнитивных особенностей, «офисное рабство» и т.д. Списки изгоев нормальности, катастроф человечности заметно длиннее, а пробле-

матика шире черно-белой оппозиции. Перечень включает также недавнюю попытку построения «Исламского государства» (запрещенная в России организация. Ред.) как специфического сообщества – трансграничной корпорации, заморозившей не только обездоленных различными обстоятельствами мусульман третьего мира, но и часть сторонников прямого действия, европейски образованных людей[21].

Постколониальность – устремленность к миру, в котором нет метрополии, нет доминирования ни политического, ни персонального, но есть личный героизм, терроризм и бесконтрольность вольноотпущенника. При том, что для значительной части населения планеты ни собственная, ни чужая жизнь не представляется безусловной ценностью, многое решает наличие или отсутствие морального императива. Нация обращается в сообщество энтузиастов, патриотизм же в трансграничной вселенной воспринимается как некое подобие расизма (е.g. дискриминация эмигрантов легальных и нелегальных), т.е. как историческая близорукость, предполагая аналогию с участием трайбализма/сельской общины в эпоху Модернити. В былые времена современность, преодолевая традиционализм, прорастала сквозь его трещины, рвы и стены. Подобным же образом сложный мир Постмодерна опровергает Современность – это иной, мультиплицированный демиург, другая, пугающая откровенность и персонализированная форма взаимоотношений[22].

Авторитарные, олигархические, идеократические режимы, нетерпимые к носителям перемен, равно как останавливающая течение времени, заболачивающая русло истории тирания масс, разлагают, заражают, коррумпируют актуальные и потенциальные элиты, искажая перспективу, раз-

рушая на переправах мосты развития[23].

Тектоника глобальной трансформации, конфликты власти и вольности, ярости и чувства справедливости, порой корректируемые милосердием, проявляются по-разному в различных ситуациях, обществах, регионах[24].

Сегодня движение «Жизни черных имеют значение» (BLM), связанное отчасти с постколониальным синдромом, порождает новое поле битвы, создает очередную плацдарм атаки, демонстрируя реминисценции и червоточины из обширного арсенала механической солидарности, активируя трайбализм в обремененных массами анклавах. У движения есть декларированная цель из реестра новой этики: уничтожить любые формы стигматизации париев, сделать обыденностью право на уверенность и право на слабость, устранив дефицит человечности, намеренные и ненамеренно ранящие ситуации, стимулируя приязнь к живому – взаимную эмпатию (ср. с постулатами и южноафриканским опытом политизации убунту). Людей, облучаемых сияющими иллюзиями, транслируемыми в нелюбезную повседневность, наряду с расовой, племенной, идеологической, конфессиональной нетерпимостью, инверсиями и диверсиями неоархизации, преследует извечная греза – тоска о мире без тиранов и рабов, об эффективном равенстве и торжестве иного мироустройства: обыденного сосуществования с другими, при обоюдном, универсальном очеловечивании (Ис. 11:6-9; 65:25).

Проблема между тем вскрывается и корректируется посредством периодических конфронтаций, пути же разрешения видятся в экспансии рамочного контроля[25], однако солидарная алхимия двусмысленна, а наступательная мобилизация влечет умножение лозунгов и рестрикций, провоцируя каскад обвинений и па-

раллельно формируя комплекс жертвы. Оболочка современной цивилизации повреждена, ее флер рассеивается, «дерзость же вознесется». Стоимость жизни, равно как границы и горизонты утопий подвижны, социальная ответственность снижается, права (но не диверсификация возможностей) государства на прямое насилие сужаются, деконструкция низводится к деструкции. Разум бурлит, градус возмущения растет: «Я таков, какой есть, и не хочу, не могу стать иным; ваше сочувствие – лицемерная подачка, отвернувшись, вы возвращаетесь в оскорбительный для меня чуждый и притягательный мир, так покоритесь или просто сдохните! Вас становится меньше, а мы – растущая солидарность, ваш мир рано или поздно будет уничтожен и сожжен, мы же заселим и унаследуем землю».

Происходящее – длинный счет разного толка людей и сообществ к Современности, просто социальная ткань прорвалась сегодня именно здесь – в болевой точке национального консенсуса, но мировой резонирующий контекст и шире, и глубже этой периодически возникавшей проблемы. Актуальны испытываемые и властью, и обществом оторопь, смысловая растерянность в ходе деконструкции былых обобщений, реконфигурации упрощений, оптимизации разделений – манифестаций персонального суверенитета и высвобождения антропологических корпораций, прежде стиснутых обручами государственности. Вырвавшаяся энергия пребывает в поисках новых резонаторов для подтверждения и эскалации земного результата как нового плацдарма следующей атаки. Суть происходящего все же не в грабежах и насилии, что ярко, зримо и на слуху, грязная пена социального цунами преследует всякий переворот, освобождая неконтролируемые страсти и

порой наследует измененный ландшафт, обращая эскизы утопий в дистопический пейзаж. Совершающийся транзит – сбой прежнего и коррекция нового маршрутизатора. Тут ощутима не столько социальная фрустрация и ненависть рожденных в убожестве к живущим в роскоши (модель в одной из систем координат), но экзистенциальное отчаяние, проклятие состояния, которое невозможно изменить. Происходит переоценка нравственных аксиом, мятеж других («чужих») против ограничений и тягот, отторжений и ампутаций, органичных для современного мира.

Атакуются не только локальные нестроения и режимы, но весь глобальный социальный организм – репрессивная к миноритарным акционерам общая система, непреодолимая обычным порядком. Потому и сокрушаются в первую очередь модели поведения (Роза Паркс, отказавшаяся уступить место в автобусе белому) либо символы угнетения (от памятников героям конфедерации и работникам до знаменитого восточно-европейского и постсоветского «ленинопада»). И не только.

Крах земных империй, ветхость авторитарных уродств предполагают крушение ментального империализма. Протест из сферы материальных претензий сдвигается в экзистенциальную плоскость, отрицая как супремасизм привычные практики Современности, высвобождая стихии и производя переоценку жизненных ситуаций. В оптике симпатизантов конфликт с репрессивной обыденностью преломляется в замысел вселенской деколонизации: революции антиконформизма, персонализма, достоинства – скалярную траекторию опознанных, но не осознанных в полноте метаморфоз. То есть это универсальный и многослойный бунт[26].

Мир движется по кромке не вполне опознанной, многомерной, возникающей из недр настоящего непрерывно модифицируемой композиции. Поезд истории меняет колею и отходит от очередного, приграничного, вокзала